

Торжество Художественного театра.

(Х-лѣтній юбилей).

Бронислава

14⁴ *unvollst.*
1908 *unvollst.*

I.

Десятилетіе—небольшой срок, и еще обыкновенно не празднуется. Но есть такая служба «на пошъ бранъ», гдѣ годъ считается за два и даже одинъ мѣсяцъ чуть не за годъ.

Создатели и руководители московскаго Художественнаго театра (вѣстѣ со своею труппою и именъ, кто участвовалъ въ нѣхъ «бранъ» во имя вымысла, выдать искусство) могутъ также считать свои «службу», но менѣе въ-рѣ, ивѣннѣй.

Никогда у насъ ни одна сцена (да еще созданная по частной инициативѣ) такъ не работала, не положила столько идей, опыта, стремленій и силъ, ни на дорогое для нея дѣло.

И развѣ не замѣнители тотъ фактъ, что такая сцена создавалась именно въ Москвѣ.

Иначе и не могло случиться.

Петербургъ дѣлалъ также попытку создать частные театры. Членство нѣхъ такъ не меньше, чѣмъ въ Москвѣ, но ни одинъ изъ петербургскихъ театровъ не выѣхъ уже такой славы и истеріи, какъ московскій Художественный театръ.

Въ петербургскомъ театру сѣть что, какъ бы итѣмъ этому, потому что наша общинная столица привыкла къ тому, чтобы ей подносили «готовое». Чинишчѣй сказать и нами театры нѣхъ съ жизнью. Частные люди, не служащие, правившіе сѣ къ классовой «спириту», такъ до сихъ поръ въ меньшинствѣ.

А въ Москвѣ интересъ къ искусству сталъ развиваться (особенно со второй половины XIX вѣка) именно въ частныхъ чинѣхъ и сначала въ сферѣ изобразительнаго, пластическаго искусства.

Такой галлерей русской живописи, какъ Третьяковская, Петербургъ никогда не имѣлъ, да врядъ ли когда и будетъ имѣть.

Москва, какъ тогда-то Флоренція, какъ Амстердамъ, служила своимъ торгово-промышленнымъ доходамъ отдаваться на служение идѣ творчества и красоты.

II.

То не менѣе должно было появиться и въ сферѣ театра.

Ни одна петербургская сцена не «снѣжита» такими славными прошлыми, какъ московскій Малый театръ.

Въ нашей старой столичкѣ русская драматическая сцена сдѣлалась центромъ художественно-литературной жизни, и любовь москвичей къ театру была давно отличительной чертой духовной физиономіи коренного москвича.

И когда Малый театръ сталъ утрачивать свое прежнее обаяние на публику,—въ Москвѣ, а не въ Петербургѣ была сдѣлана и первая попытка частной драматической сцены...

И когда? Когда надъ свободой театровъ въ русскія столички затѣлалась еще баснословная привилегія Императорской дирекціи.

Артисты Малого театра г-нъ Бронислава удалось открыть къ 80-мъ годамъ первый публичный и платный театру «банкетъ» памлетика Пушкину.

Его знаешь, какъ было трудно попытаться провести хоть что-либо въ такомъ родѣ, тотъ только смѣлъ опираться энергію первой создательницы частной сцены въ Москвѣ.

И итѣ театру сталъ весьма успешно самаркаться къ Малому театру, ивѣсь большаго имени и менѣе въ заставляющій репертуаръ и строй ивъ казенной сцены.

Когда рухнула закрѣпощеніе частныхъ театровъ въ столицѣ, къ 1893 году, частный театръ, разумеется, явился, но Художественный театръ и тогда не сразу могъ осуществиться. Мало было, чтобы марша сама ивѣсь такого театра, гдѣ будутъ проследить сѣмѣмъ новымъ сжаніемъ и въ области драматической литературы, и въ искусствѣ неслезающаго художественнаго произведенія на полнотѣ совѣстной работы руководителей сцены и всей труппы.

И явилось именно въ Москвѣ два такихъ «друга театру», одинъ—писатель, другой—артистъ-любитель, кото-

рые отдали себя безъ раздѣла на службу своей идѣ. А материальныя средства нашлись у московскаго капитала, привычнаго къ дѣлу ивѣдараго поощренія въ сферѣ искусства.

III.

Художественный театръ теперь вытѣсняетъ отъ культурной жизни не только города Москвы, но и всего, что къ нему принадлежитъ. Онъ сдѣлался истокъ, куда стремились ивѣсь пріислѣй, провинціалы и петербуржцы.

Но у него есть и свои, коренные, московская публика, отличаясь отъ той, которая бываеъ въ другіе театры.

Его руководители достигли необычайной связи поднотковъ съ зрительскими массами... И каждый вечеръ въ этомъ театрѣ преобладаеъ модела публики, настроенная совершенно иначе, чѣмъ гдѣ-либо.

Наши личные воспоминанія по части театральныя такъ обнимаютъ эту публику, неважно. Но мы ивѣею изъ Россіи итѣхъ, въ являющій тѣмъ и ивѣиной самымъ рѣш сдѣлѣй, которую устанавливалъ у себя Художественный театръ.

Да и на Западѣ мы этого не находимъ, за исключеніемъ двухъ берлинскихъ сценъ: «Маленькаго театру» и «намерскій» спектаклей при «Deutsches Theater».

Конечно, тутъ отчасти дѣлается извѣстнаго рода мода, подталкиваемая публикой подъ ивѣишній тонъ: но такая мода въ истеріи русской сцены имѣла часто глубокія художественныя корни, была съ неимѣностями ивѣишней кружишчѣй фактотъ, въ доказательство, что театры тогда производили отивѣать на возмущенныя потребности сценъ ивѣишней доли интеллигенціи...

Прежде и въ самомъ близкомъ году Малого театру (50-е и 60-е годы) публики да, когда не имѣла тѣхъ рѣш ивѣишній урѣишній—люди: и въ красота, и въ жажда, и въ райскѣ. Дѣлало то, что и какъ было на сценѣ, только менѣишчѣи была.

Если то, что мы видим в жизни зала Художественного театра, произошло и от податливости культуры, то все-таки кому удалось создать себя такой театр?

Первоначальная идея общедоступной сцены ошиба, правда, на заре пути и даже сейчас не была, но зато театр этот сделал театром равной публики, не чужей ученикам и потомкам за сценарием, но такой, которая живит и на репертуаре, и в исполнении, то, что доступно только подлинной интеллигенции.

IV.

Создатели Художественного театра, прежде всего, стремились к тому, чтобы их сцена была воюющей литературной.

Создать для высшего эстетического творчества, а стало-быть, и доставить авторам, самое серьезное внимание и самое артистическое

выполнение их произведений—это был задачей отныне впервые строго выполняемой на этой сцене.

Была «литературность» театра, но не только под непререкаемыми условиями: не было никаких других мифов, своих исканий, кроме художественно-литературных.

Вся другая драматическая сцена, и классическая, и частная, должна, или в силу своего чуждого происхождения, или по врожденным свойствам, уклоняться от этого принципа.

Только там, где писца и ее автор—персональный объект, а моветы театра держат наплыв личной литературности.

Но сразу же представлялся дилемма: чему служить—общерусской или своей литературе?

Но сразу отпадал Художественный театр на этот вопросный вопрос. Да и до настоящего момента нельзя еще сказать про него, что он служит, главным образом, своей отечественной драматургии.

Он искал и до сих пор еще ищет, хотя и склоняется уже к стороне своей вышней задачи, как образной «национальной» сцены.

Можно было и в последние пять лет давать упреки руководителю Художественного театра, что он увлекался всецело патристическим репертуаром, ограничиваясь на стороне символизма и вообще «индифферентизма».

Если такие упреки и были в какой-либо степени обоснованы, то в результате было, однако, то, что только выдвигались произведения немец-

кого и скандинавского театров были даны так, как их видел бы и весь не исповедник. Только французы, и только даровитые, имели право сказать, что Художественный театр совершенно открылся от них!..

Но они искали вождя, начиная с античной драмы и проведя Шекспира.

И во всей Европе (за исключением одной-двух исключительных сцен) из на основе театр разнообразия всеобщего общерусского репертуара не было так инстинктивно.

V.

Для массы публики Художественный театр оказался так интересен и привлекателен, так, главным образом, как в нем ставится и разыгрывается драма.

Он имел своим другу немалую платформу.

В чем же она была эта платформа?

В обмене до сих пор это—приведение до истины театров «настроения» реализма. Даже и самая прямая символическая вещь иностранной драматургии, мы видели у руководителем постоянное умение в развитии заботу довести специфический импрессионизм до его максимума.

На этом пути они привели школу самоубийства. И, разумеется, дошли до крайностей, от которых и в их критике остерыли на всегда успешно. Реализм подражательного характера видеть свои непререкаемые пределы.

Никогда вы не достигнете той иллюзии, какую теперь дают нам кинофотографии. Всегда будут напоминаниями призрачными к тому, чтобы на сцене не проводились юта и юта как в жизни, начиная с законов перспектив и притомального уменьшения человеческого тела при ходьбе.

Слишком исключительная приверженность к специфическому импрессионизму, преобладание режиссерской указки и дисциплины, связанная с безусловного почтением актёра общему строю и закону, сделали то, что индивидуальная игра отпала на второй план.

И это было отвлечением нашей критики. Но такая строгая дисциплина не помешала, однако, самым даровитым членам труппы (начиная с одного из режиссёров) достичь излучения или яркости высшего уровня не только на позитивной сцене, которая она создается на сцене, но и в проявлении своей личной талантливости.

И при всём этом театральная режиссерская «платформа» (которая,—им надле-

жало—быть все отпадая) исполнение уже доказано до высшего предела из позитивной сцены выстроенной и написанной автором, до такого процесса изучения и сцены, какого нигде и у нас не бывало, да вряд ли в Европе где-нибудь практикуется из таланта не только разврат.

Нужное трактование сцены и их авторство возможно только на художественно-литературной сцене, и в самом обширном смысле.

VI.

Остается неразрешенный вопрос о том, как будет Художественный театр в настоящее время своего развития: общерусской или же национальной по преимуществу.

Мы думаем, что дирекция сама уже чувствует, насколько поверять в сторону более национальную. Общественная сцена, как бы она ни была разнообразна, не может сделаться театром немецкой, скандинавской или бельгийской драматургии.

В достижении порока, так, действительно переживает Художественный театр, есть уже один крупнейший факт, показывающий, что сама постановка философии от природы сближается толкованием и восприниманием чужой совокупности творчества русского писателя.

Это случается с писателем Чаховым.

Можно было бы быть преувеличенной сказать, что Художественный театр, как преобладающая сила, и как этот артистический исполнитель, «театр Чахова».

И тем не менее результаты эти преобладающая сцена могла бы достичь и ее мысли, что русский театр видеть внешне-литературного.

Она и должна быть опытная... Начав с драмы Алексея Толстого, после мистификации (из области не удавшейся) «Ситуация» она становится на «Горы от ума» и «Бориса», поставила несколько драм: А. Толстого и Горького, и если она не удовлетворила многих созданием отдельных лиц, то все-таки внесла в общий строй исполнения и «Бориса», и «Горы от ума» и «Бориса» свои, во множестве деталей внося новое и живое.

А теперь ей предстоит такое испытание, как постановка «Ревизора».

Все это показывает, что Художественный театр не только уклоняется дальше от своей вышней задачи—идеи образной национальной сцены.